

Карим Мустафа С. - Мустаф.
30/11/89

ВСТРЕЧА С ПИСАТЕЛЕМ

— Мустафа Сафич, какова, на ваш взгляд, роль современной творческой интеллигенции в процессе перестройки? Всегда ли она оправдывает свое высокое предназначение — быть властителем дум, мозговым центром общественной мысли?

— Интеллектуальный потенциал перестройки — одно из важнейших условий ее победы. Это уже общеизвестно. Почему сейчас столь важна роль интеллекта? Мне это понятно. Ведь для того, чтобы что-то изменить в экономической, хозяйственной, социальной сфере, нужно прежде всего проинформировать «революцию» в умах. Но интеллект — не только опровергает, критикует или дает оценку уже свершившемуся. Творческая интеллигенция — созидательное начало. Впрочем, кое-кто из ее представителей до сих пор ведет «кулачные бои», которые уже всем надоело. И ни к чему не приведут. Вызовут только взаимную раздражительность и неприязнь.

— Да, но если человека, да любого, самого обычного, уважаемого, талантливого, публично оскорбляют как личность, как гражданина, то он неизбежно вступает в борьбу. Раньше ведь за любое неуважение к барьеру вызывали. Защищать свою честь, достоинство, позицию, пусть даже не всегда выверенную, продиктованную подчас излишней эмоциональностью, — разве это не является естественным проявлением человеческой природы?

— Вы, безусловно, правы! Но все дело в том, какие выбрать методы защиты. Вот здесь-то и проявляется интеллигентность человека или ее отсутствие. Почему гложут, словно в вате, все благородные призывы к «культуре дискуссий»? Потому что мы обращаемся с ними к некультурным людям! Нам надо беречь высокую, действующую часть интеллигенции, которой действительно органически присуща культура общения, и не причислять к этой сфере людей, не способных вести позитивный диалог в уважительном тоне даже по отношению к самому ярому противнику, с кем ты решительно не согласен!

— Легко сказать — не причислять! А как это сделать, Мустафа Сафич? Запереть в рабочем кабинете? Лишить права выступать с трибуны или писать в газеты и журналы? Но кого именно? Ведь у каждого оппонента есть своя правда. И пора уже оценивать писателя по его таланту и книгам, о которых в пылу полемики как-то вдруг стыдливо «забыли» и перешли от анализа творчества к скрупулезному изучению фактов биографии.

— Вот-вот! Сейчас, когда говорят об интеллигенции, невольно задумываешься: о каком интеллигенте идет речь? Ведь все мы — пишущие, играющие на сценах или снимающие фильмы — относим себя к творческой интеллигенции. Но действительно ли это так? И вот сейчас выяснилось, что в прошедшие годы мы создали немало неинтеллигентных интеллигентов, утративших былые традиции духовности, нравственности, не говоря уже о внешних признаках хорошего воспитания. И возникшие «силовые приемы» (впрочем, они ведутся не только в литературе, но и в театральном искусстве, балете и т. д.), эти вздорные споры, противостояния и показывают, «кто есть кто». Тем дороже ценятся люди, представляющие не на словах, а на деле подлинную советскую интеллигенцию — русскую, башкирскую, грузинскую и т. д.

— И что же вы, Мустафа Сафич, предлагаете? Провести своеобразную «чистку» рядов творческой интеллигенции? Проводить кое-кого «на заслуженный отдых по состоянию здоровья», что сейчас очень «модно»? Так?

— Нет, конечно, не так. Не чистка, но какое-то очищение, а точнее сказать — самоочищение — сейчас крайне необходимо. Каждому из нас — независимо от возраста, национальности, степени одаренности. У самого человека должно быть какое-то самоочищение своей внутренней принадлежности к интеллигентскому «сословию». Бывает и так, что рабочие, колхозники, простые люди ведут себя гораздо более воспитанно, чем иные деятели литературы и искусства. Они более трезво и более объективно относятся ко всем делам, происходящим в стране. В их суждениях чувствуется внутренняя культура, которая не зависит ни от образования, ни от социального происхождения.

Я так понимаю: когда началась перестройка, один из главных расчетов был на нас, деятелей науки и культуры. Но, очевидно, еще не все мы это поняли и не приняли на себя огромный груз ответственности. А дело задумано грандиозное и необычайно трудное. Надо бороться за перестройку, ощущать ее в своей крови, не жалеть душевных сил! Начать с того,

чтобы прекратить, наконец, распри! И то, что мы сейчас так много об этом говорим, свидетельствует, что произошло отрезвление, люди опомнились, задумались...

— Читая сегодня многочисленные эмоциональные публикации в газетах и журналах, подчас приходится задумываться, так ли уж правильно и глубоко мы понимаем демократию? Не устарела ли газетная рубрика «Учимся демократии»? Не пора ли и здесь переходить от «школьной парты», от слов к делу?

— Согласен с вами. Появилось много демагогии вокруг этого выстраданного нашим народом понятия. Каждый (ну, если не каждый, то

подвластен сиюминутным требованиям злободневности. Театр жил и будет жить по своим специфическим законам, включающим в себя такие понятия, как зрелищность, философские концепции, вечные темы человеческого существования.

С уходом из театра целомудрия и доброты в театральные залы устремились зевaki в ожидании «клубнички». Идет приспособление театра к зрителю, вот и получилось, что вместо благородного, думающего, сочувствующего, сопереживающего зрителя кресла в зале заняли зевaki. И их ожидания, как правило, оправдываются: хоть одна половина челове-

вует быстротечность жизненной реки и ускользающего Времени... А сейчас некоторые люди считают, что если писатель не ходит на собрания, а пишет дома книгу, то он антиперестройщик, а если исправно ходит на все заседания (а сколько их — нужных и ненужных!) и говорит даже пустые слова, то он — в числе «застрельщиков перестройки». То есть все перевернуто с ног на голову!

— И все-таки книг хороших, острых, современных очень мало. Все больше — из столов, из архивов, из наследия. Когда же появятся новые?

— Конечно, сейчас время трудное для пера. Прежде чем сесть за письменный стол, нужно глубоко осмыслить происходящие сегодня процессы. Десять (и более) лет назад написаны были острые произведения, когда, как говорится, приступом брались преграды. А теперь все распахнуто настезь. И выяснилось, что на одном лишь стуке и крике не пройдешь... И результат — растерянность. Может быть, нужно сейчас опять писать про Чайку, как Чехов? Но мы этого, очевидно, быстро не сможем сделать, так как изрядно потеряли творческую форму...

— Это, вы считаете, необратимо?
— Не думаю! Надеюсь, что мы еще обретем себя.

...В скобках замечу, что самому Мустафу Кариму подобная «растерянность» никак не угрожает: выходят новые книги, в частности в одном из последних выпусков «Роман-газеты» вышла повесть «Помилование», вновь обращенная к незабываемым для писателя-фронтовика годам Великой Отечественной, к которым он, как и многие его сверстники, очевидно, прикасается как к чистому источнику Любви, Добра, Преданности идее...

А на переделькинском столе аккуратными стопками разложены листы, исписанные его беглым почерком: один — испещрен «иероглифами» сверху донизу, на другом — лишь две строки, третий вообще пока чист и ждет прикосновения руки...

— Что это?
— Новая пьеса. Сейчас вот расписываю ее по явлениям, «сталкиваю» героев, развожу, словно режиссер, по мизансценам. Но она — не для зевак. Она была задумана года 3—4 назад на тему о том, как мы разобщены. Сюжет такой: в большом городе живут люди из одного аула в разных местах. Они друг о друге ничего не знают и только заставляют родным похоронить их в ауле. Один старик ежегодно обходит своих односельчан и рассказывает аульские новости: кто родился, кто женился, кто умер. Его все считают чудачком, бездельником, никчемным человеком, потому что он занимается «пустяками»...

— Почему вы выбрали такую грустную тему?

— Потому что боль от разделения людей, человеческого одиночества живет в моей душе: мы суеитимся, занимаемся порой никчемными делами, забывая о нашей общности. Я уже в том возрасте, когда ко мне подступает чувство одиночества, оно неизбежно для любого человека, даже несмотря на наличие у него семьи, близких и т. д.

Хочется писать об этом без нажима, не «под диктовку» идеи, которая приходит иногда от реплики или от сюжета, иногда даже от интонации голоса. Прежде чем сесть за работу, я должен забыть замысел, забыть идею и писать свободно. Я приехал сюда, в Переделькино, чтобы «освободиться» от заданности.

— Вы, Мустафа Сафич, говорите об одиночестве, как социальном явлении. И действительно, разделение людей в обществе стала большой нравственной проблемой. А как же фронтовое братство? Неужели и оно ушло из людских душ?

— Фронтовое братство — это нечто особое. Тогда была отзывчивость, готовность прийти на помощь, сердечность. Мы на фронте делились последним куском, но чем никогда не делились — так это своими сомнениями, потому что не имели права сомневаться ни в чем... А сомнениями делиться необходимо, и в искусстве особенно. Если мы спрячем сомнения в себе, то мы будем слабее. Необходимо открыто делиться своими сомнениями, не боясь, что тебя обвинят, что ты «антиперестройщик». В этом общественная сила.

А вообще даже давние дружеские связи как-то ослабли. Помню, как мы — Расул Гамзатов, Кайсын Кулиев, Михаил Дудин — часто ездили друг к другу просто так, без всякой житейской надобности, была потребность поближе узнать страну друга...

Наша беседа продолжается и подходит к острейшему моменту — причинам обострения межнациональных отношений в различных регионах страны. Говорим и о положении в Башкирии.

— Как вы считаете, Мустафа Сафич, почему вдруг возникло такое обострение? Случайность это или закономерность?

Мустай Карим задумался. Затем сказал: — Я боюсь утверждать, что это есть обострение межнациональных отношений. Обострилось понимание извращенной государственной политики в прошлом по отношению к жизни и судьбам наций. Обострилось ощущение потерь. Дело в том, что каждая нация в той или иной степени несла урон: притеснение национальных языков, свободы исполнения обрядов, обычаев. Было чувство национальной уязвимости, оно накапливалось годами. И мы, представители «малых» народов, уверовали, вернее, уверили нас в том, что скоро все сольется, все будем говорить на одном языке и т. д. Помню одного учителя башкирской школы, который говорил своим ученикам: «Э, наш язык только до края нашего аула». И вот теперь мы вдруг поняли, что, потеряв язык, обычай, мы теряем нечто большее — вековые нравственные устои, духовные принципы. Мы, писатели, деятели культуры, били тревогу по этому поводу, говорили и писали, что язык — это нечто большее, чем просто средство общения. Теперь появилась наконец возможность все восстановить, развивать, утверждать. И в Башкирии в том числе. Хотя это не так просто: потеря слишком много. Однако нет причин на кого-то кивать, кого-то винить. Практически будто нам никто не мешает. Требуется повседневно, терпеливая, разумная работа по восстановлению разрушенного. Тут запальчивость и раздражительность — не помощники.

У нас в Башкирии живут, кроме коренной национальности, русские, татары, чуваш, марийцы, мордва, украинцы, латыши. Не будет лакировкой, если скажу, что они не делают ни землю, ни воды, ни небо над головой. Их скорее объединяет то, что каждая из них в отдельности была обделенной, в смысле родного языка и культуры. Эта психология национальной обреченности привела к безразличию, к неверию. В этом ни один народ не был виноват перед другим. И теперь мы должны вместе навести порядок, упорядочить, решать все наши проблемы. Все вместе. По отдельности мы ничего не добьемся.

И в этих вопросах тоже необходимо то качество, с которого мы начали разговор, — интеллигентность, умение уважать друг друга, а не только печась о себе... Вспомните: в прошлом столетии, когда Башкирия подвергалась разграблению ее ресурсов, первый голос в защиту культуры башкир поднимала русская интеллигенция, хотя у русского народа своих проблем — бед и нищеты — было предостаточно.

— Необходимо ли сейчас такое качество, как совесть? Или его можно заменить какими-то понятиями, как энергия, предприимчивость, умение заводить деловые связи?

— Совесть и достоинство стоят рядом. Они — из главных нравственных критериев во все времена. Про завтрашний день думаем, про жилье и продукты думаем, а про завтрашнюю совесть — нет, мы мало заботимся о том, что совесть надо иметь впрок. Уж очень сильно мы себя критикуем: получаются, что мы бесполое всех, беднее всех, расточительнее всех, бездумнее всех! Получается, что мы страна каких-то «неполноценных» людей. Меня это страшно корбит. Ведь мы сильные, мы можем, мы должны перестроить нашу страну, но с самоуничижением и потерей достоинства я решительно не согласен! За чем же мы сами себя настраиваем на столь унылый пессимизм? Так мы можем из богатых сделать пигмея, корная и урезая себя, словно журавля из скакани.

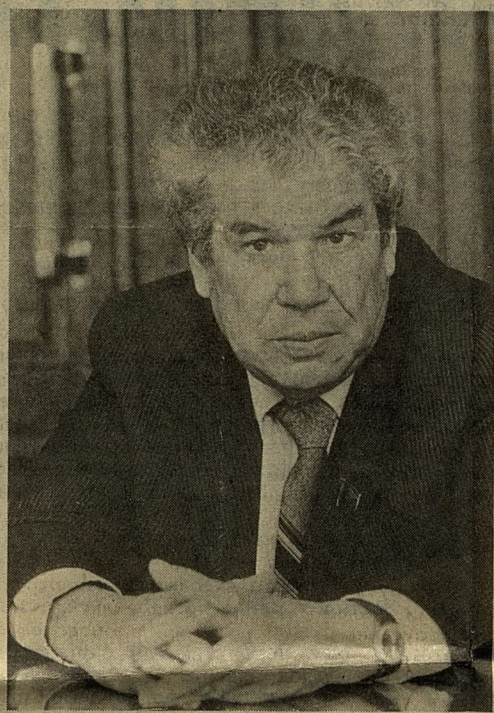
Даже когда мы достигнем экономических успехов, наши нравственные, духовные потери восстанавливать надо будет еще очень и очень долго. Нельзя мириться со всем тем, что воспринимается, или, вернее, вновь и вновь воспроизводит бездумных людей. Я, конечно, боюсь вместе со всеми за наши беды и изъятия, но не хочу, чтобы мы из великой страны превратились лишь в государство с большим народонаселением.

Я выхожу на еще прокладную улицу писательского поселка и явственно ощущаю запах пробуждающихся деревьев, слышу птичий гомон и звук живых капель. Да, пахнет весной!

Валентина ЖЕГИС.

Мустай Карим,
народный поэт Башкирии:

ВРЕМЯ ДОРОГО, ОНО — НЕ ДЛЯ РАСПРЕЙ

Об интервью с народным поэтом Башкирии Мустафем Каримом мы договаривались много раз, но так случилось, что они в последний момент срывались: однажды я «не доплыла» на теплоходе в Уфу, так как неожиданно изменился мой маршрут. В другой раз Мустафу Сафича вызвали на экстренное совещание... И вот весеннее Переделькино, Дом творчества писателей имени К. А. Федина...

во всяком случае многие) считает себя обиженным в прежние времена и теперь спешит об этом публично поведать и привлечь к себе общественное внимание. И, судя по некоторым публикациям, плохие люди иногда плохие думы думают. Я бы посоветовал сделать так, чтобы участие в публичных спорах принимали бескорыстные, честные люди, и публиковать только их мнения. Нужно больше прислушиваться к людям хорошим, а не демагогам, посылкам и хамам.

— Сделаем отступление, Мустафа Сафич. Какой вам видится как драматургу в контексте этих общественных споров, дискуссий роль театра?

— Я верил и верю в силу воздействия искусства Мельпомены на душу человека. Но сейчас нахожусь в растерянности. Почему? Потому что, как бы это точнее сказать, театр ушел от Театра и перешел на публицистику. В своем восхождении какими-то запретными темами, острыми проблемами мы «забыли» о специфике театрального искусства, и оно отошло от нас... пустыми креслами в зрительных залах. Люди охладели к тому, что им показывалось со сцены; подобных заземленных диалогов и монологов — о каких-то производственных, семейных и прочих конфликтах. Повторяю: когда из театра уходит театр, покидает его и зритель.

— Как же теперь его вернуть?
— Возродить театральные законы, которые существуют тысячелетия и которые, увы, не

ского тела на сцене — верхняя или нижняя — должна быть обнаженной! Разве этим воспитать в людях чувства преклонения перед красотой, перед ее тайной.

— А у вас, в Башкирии, — тоже зевaki?

— Нет, мы «старомодны», и поэтому в театры Уфы ходит добротный зритель. «Лицо» зрителя определяет театр, а не наоборот. Каков театр, таков и зритель. Театр перестал быть для людей праздником, событием, их больше привлекают дискотеки и видео. И мы, на мой взгляд, поступаем очень опрометчиво, отдавая на откуп моде человеческие чувства и эмоции. Особенно молодежи. И грустно ощущать свое творческое бессилие драматургу, уже не потрясаящему, как было во времена Шекспира или Еврипида, людские сердца! Культура из театра ушла.

...Но о чем бы мы ни говорили, вновь и вновь возвращаемся к проблемам литературного труда, облику современного писателя, его месту в перестройке. Я выразила сожаление по поводу того, что Мустай Карим снял свою кандидатуру в народные депутаты, предложенную Союзом писателей СССР, ибо, на мой взгляд, именно такие люди — совестливые, добрые, принципиальные, надежные — и должны решать в Верховном Совете судьбы страны, а значит, и каждого из нас. Мустай Карим сказал:

— Скоро мне семьдесят, а так много хочется сказать людям в своих книгах. Мы, фронтовое поколение, особенно хорошо чув-